

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ В РОССИИ

Г. А. Тульчинский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого,
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 07.06.2026 г.
Принята к публикации 28.06.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-1

Интенсивная трансформация социальной коммуникации в формате цифровых технологий радикально изменяет деловую активность, формы занятости, управление, образование, культурные индустрии, личную жизнь, весь образ жизни. Речь идет о масштабной и глубокой проблеме выработки междисциплинарного подхода, который решил бы две задачи: давал бы общую концептуальную платформу анализа и одновременно был бы достаточно операциональным, сохраняя накопленные результаты и потенциал дальнейших дисциплинарных исследований и разработок. В российских исследованиях коммуникации сложился подход, который отличается расширительным пониманием коммуникации, когда социальная культура и личность предстают взаимодополнительными коммуникативными сущностями по своей природе. Исследования фокусируют несколько специфических содержательных топик: смыслообразование и понимание; апофатический семиозис и роль субъектности; междисциплинарность и конвергенция широкого круга методов и подходов — как sciences, так и humanities. Современным российским исследованиям коммуникации свойственны сильно различающиеся теоретические подходы и модели, использование методов самых различных наук. При этом сами коммуникативные практики явно тяготеют к интеграции. Любая наука в какой-то мере является коммуникативной — потому что порождается и оперирует осмыслением своего предмета как со-общением о природе, обществе, собственной мысли (и как со-общением с ними). Если исследования коммуникации — это перекресток, по которому многие проходят, но редко кто останавливается, то русская традиция часто уделяла и уделяет внимание самому перекрестку. Она принципиально междисциплинарна, в ней переплетаются и дополняют друг друга антропология, когнитивистика, лингвистика, логическая семантика, психология, семиотика, социология, теория и практика искусственного интеллекта, теория и философия культуры, урбанистика. Русская традиция представляет интерес в перспективе интенсивного развития коммуникации в цифровых форматах и созревания протонауки коммуникации.

Ключевые слова: апофатический семиозис, коммуникация, медиацифровизация, понимание, семиотика, смыслообразование, субъектность, языковые практики

1. Предварительные соображения

Исследования коммуникации довольно молоды. Как таковые они были от-refлексированы во второй половине XX века в связи с развитием кибернетики и математических моделей передачи информации, осмысления социального значения этих разработок и практик. Однако различные аспекты обмена знаниями и эмоциями, обеспечивающего взаимодействие в религиозной, политической, экономической, художественной, образовательной сферах, в личной жизни не могли не рассматриваться задолго до публикации работ Н. Винера, К. Шеннона, Д. фон Неймана, У. Эшби — и не только в России.

Концепции анализа коммуникации, сложившиеся в России, хорошо укладываются в систематизацию Роберта Крэйга (Craig 1999, p. 133 – 134), которая позволяет выявить переклички в российско-советских и зарубежных подходах к исследованию коммуникации. Это традиции: семиотическая, с акцентом внимания на знаках и знаковых системах; феноменологическая, подчеркивающая роль сознания; кибернетическая, связанная с техническими системами и математическими моделями; социально-психологическая; социально-культурная; критическая, укорененная в филологии; лингвистико-коммуникативистская, связанная с языкознанием и практиками перевода.

Принимая такую систематизацию, представляется важным дополнить ее. Некоторые упомянутые традиции возникали в различное время, некоторые сохраняли устойчивое влияние, и все они взаимодействовали, конвергировали. Например, идеи Михаила Бахтина и его круга возникли в дисциплинарном поле филологии, но и по истокам, и по своему значению выходили в горизонты феноменологии, философии, теории культуры и личности. Недаром И. Э. Клюканов подчеркивает, что если за рубежом анализ коммуникации сосредоточивается на количественных исследованиях эмпирического материала, то в России в такой анализ вовлечен широкий фронт гуманитарных наук (2021, с. 21).

Поэтому ниже приводится рассмотрение русской традиции изучения коммуникации в плане этапов ее развития и акцентуации специфических проблем, в рассмотрении которых реализуется взаимодействие узкодисциплинарных подходов.

2. Речевые практики

К собственно русской традиции изучения коммуникации можно относить исследования, впервые опубликованные на русском языке с конца XIX столетия, когда роль и значение коммуникативных процессов стали привлекать внимание различных исследователей — от лингвистов, историков, философов до инженеров и специалистов по техническим способам связи. Основы такой традиции были заложены в осмыслении особенностей самого русского языка, практик его исполь-

зования. Первое обстоятельное исследование таких особенностей было реализовано Константином Аксаковым в 1875—1880 годах на материале русской письменной речи (художественной и обыденной), в том числе в сравнении с практиками других славянских и индоевропейских языков (Аксаков 1875; 1880).

С тех пор не прекращаются исследования особенностей русского коммуникативного поведения, анализ связи норм этого поведения с этнокультурными мыслительными и речевыми стереотипами (Аннушкин 2011; Балакай 2001; Иссерс 2008; Прохоров, Стернин 2011), которые обусловлены спецификой российской культуры, историческим опытом хозяйствования, доминированием властной воли (Пивоваров, Фурсов 2001). В исследованиях подчеркивается эмоциональная насыщенность, предпочтение полемики вместо дискуссии, личностное самоутверждение, акцентуация на побуждение к совершению действий. Роль побуждающей коммуникации укрепилась в советский период в пропаганде коммунистической идеологии, жесткого администрирования¹.

Первоначальный интерес к языковым практикам до сих пор является в России постоянным направлением в изучении коммуникации, ее роли в широком поле современных исследований — от антропогенеза и истории до символической политики и AI. Именно на базе профессиональной среды филологов и переводчиков в 2000 году была создана *Russian Communication Association (RCA)*, а в 2008—2024 годах выходил ее официальный научный журнал *The Russian Journal of Communication*.

3. Понимание и смысл: два вектора

Уже с начала XX века в исследовании языковых практик на первый план выходит проблема понимания транслируемого содержания (контента) сообщений. Как раз на этот период приходится творческий пик российской культуры («Русский Ренессанс Серебряного века» плюс первое десятилетие советской власти) с его проективизмом, символизмом, эсхатологизмом, авангардизмом, верой в преображение мира с широким диапазоном обостренного интереса к чувственному опыту. Произносимое и письменное слово предстает как носитель, выразитель и создатель смысла. Можно выделить два основных вектора такой аналитики. Один из них был связан с интерпретацией религиозного опыта. Другой — с адаптацией и развитием европейской традиции языкознания, герменевтики и феноменологии.

Активное воздействие языковых средств на сознание, как поле смыслообразования — главный момент в ныне полузабытом движении имяславия (ономатодоксии). Возникшее в 1907 году и после богословского спора разгромленное в 1913 году с привлечением армии, оно оставило не афишируемый глубокий след в русской культуре, оказало

---

¹ Эта установка даже нашла выражение даже в нетривиальной концепции Бориса Поршнева (2007), согласно которому речь возникла именно как средство побуждения, внушения, а развитие самосознания связано с противодействием манипуляции.

серьезное влияние на философов (С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский), поэтов (О. Э. Мандельштам, Б. Л. Пастернак), математиков (Д. Ф. Егоров, Н. Н. Лузин, А. Н. Колмогоров, В. В. Налимов) (Graham, Kantor 2009; Троицкий 2024). Имяславцы опирались на духовный опыт исихазма, идеи отцов церкви (Григорий Нисский, Григорий Палама), Платона, неоплатонизма. Имяславие — яркое проявление апофатического («отрицательного») богословия, согласно которому божественная сущность непосредственно не дана, для ее выявления необходим опыт личностной сопричастности и воплощения в знаках, именах (Булгаков 2008; Флоренский 1990, с. 264 — 287).

В апофатическом смыслообразовании особую роль играет отрицание — не как пустота предметной области, а как дополнение универсума рассуждения, реализуемое самосознанием личности. Алексеем Лосевым (2016) была разработана грандиозная развертка *step by step* семиозиса из «ничто» (меона), которая близка интуиционизму и конструктивизму в обоснования математики. Позже автор вероятностной модели языка Василий Налимов уподоблял смыслообразование возникновению элементарных частиц под воздействием энергетического импульса на физический вакуум. Аналогично для смыслообразования необходимо воздействие на семантический вакуум (меон) μ -функции, под которой Налимов понимал личностный фактор (1974; 2007).

Ярким представителем другого вектора анализа смыслообразования был Густав Шпет — непосредственный ученик Э. Гуссерля. Шпет различал интеллектуальное (уразумение) и симпатическое (чувственно-эмоциональное) виды понимания, которые, помимо предварительного схватывания смысла, предполагают облечение смысла в слова. Шпет опирался на концепцию «внутренней формы» слова (Потебня 1976), которая развивала трактовку языка В. фон Гумбольдтом, А. Фосслером, А. Марти не как комплекса словарной лексики и правил грамматики, а как части культуры, развивающейся вместе с мыслями и переживаниями ее носителей. Шпетом был сделан следующий шаг в трактовке внутренней формы как единства социального и индивидуального опыта. Задача внутренней формы — раскрыть соответствующую организацию «смысла», проникнуть во внутренний мир человека (Шпет 1927, с. 141 — 163). Люди понимают друг друга не в силу тождественности их чувств, а потому что в коммуникации знаки ударяют по одним и тем же «клавишам», порождая в каждом индивиде как «инструменте» соответствующие, но не тождественные предметные понятия, окрашенные переживаниями, проявляющимися в деятельной активности (Шпет 1916, с. 164; Шпет 1927, с. 178). Внутренняя форма предстает «живым понятием, переживанием смысла как конкретного жизненного опыта социальной практики. Этим взаимодействием внешнего и внутреннего опыта смысловое содержание обогащается, прирастает за счет некоего потенциала, «избытка», привносимого наделенной сознанием личностью и всегда присутствующего в коммуникации, делая невозможным «абсолютное понимание». Как писал Фёдор Тютчев: «...Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя? / Поймет ли он, чем ты живешь? / Мысль изреченная есть ложь...»

Личностное переживание выступает источником творчества, в искусстве оно порождает сопричастность субъектов творчества и восприятия, в философском понимании — переживание единства с целостностью бытия (Шпет 1914, с. 212). Тем самым самосознание личности, единство ее переживаний важно как его включенность в общее смысловое поле, в котором оно занимает свое никем не занимаемое место (Шпет 1916)². Такое видение смыслообразования близко идеям Владимира Соловьева, Сергея Трубецкого о «соборности» сознания, бахтинским идеям «не-алиби в бытии» и «диалогичности» «участного мышления» (Бахтин 1975; 1979; 1986). Фактически об этом же писали чуть позже также Мартин Бубер, Эммануэль Левинас, Мартин Хайдеггер.

Смысл — не просто программа социального опыта, закодированная в знаковых системах, в «культурных кодах», и не результат пресловутого «диалога культур». Любая культура нормативна, самодостаточна и не нуждается в диалоге. В диалог вступают носители культур — люди, существа несамодостаточные и нуждающиеся в «обмене» веществ, товаров, знаний, опыта. В этом плане смыслообразование и коммуникация персонологичны. Это проявилось в обоих отмеченных направлениях — как коренившегося в религиозном опыте, так и осмыслявшего герменевтику, социальную психологию, феноменологию понимания.

4. Социальный и личностный факторы

Таким образом, за первые три десятилетия XX века в понимании смыслообразования как формирования коммуникативного контента были выявлены два ключевых фактора. Во-первых, это социальные обстоятельства, включая культуру и сам язык. И во-вторых, личность — как результат, продукт социального коммуникативного воздействия (социализации) и как источник динамики нового осмысления. Соотношение этих двух ключевых факторов стало главной линией дальнейшего анализа.

Показательно наглядна эта траектория в психологическом анализе коммуникаций на примере семейной преемственности трех выдающихся ученых. Один из основателей советской психологии Алексей Николаевич Леонтьев (1975) предложил различать в означаемом словесными и другими знаками относительно нормативное социальное значение, связанное с культурными практиками, и личностный смысл, связанный с отношением, переживанием этого значения конкретным индивидом. Его сын доктор филологических и психологических наук Алексей Алексеевич Леонтьев занимался ролью речевой деятельности в формировании личности (1969; 1997; 2001). Их внук и сын Дмитрий

---

² Без учета той роли, которую Г.Г. Шпет отводил переживанию, непонятны его отступления (вплоть до цитирования пыточных листов) в личностный опыт мыслителей в «Очерках развития русской философии», излишне дотошным выглядит его герменевтический комментарий к «Посмертным запискам Пиквикского клуба», его пристальный интерес к фактам биографии А.И. Герцена, как и трагедия судьбы самого Шпета, раскрывается дополнительными гранями.

Алексеевич Леонтьев (как и связанная с ним российская школа экзистенциальной психологии) сфокусировался на психологии смысла как ключевом аспекте самосознания личности, в отношениях человека с миром и другими людьми (2007). Причем для всех троих ключом к постановке проблемы, развертывания концепции и применения результатов оказывается коммуникация.

Особого внимания заслуживает вклад в изучения коммуникации, сделанный русскоязычными авторами-семиотиками (Иванов 1976; Почепцов 1998). Наиболее известны идеи авторов Тартуско-московской школы семиотики, прежде всего ее лидера Юрия Михайловича Лотмана (Waldstein 2008). По Лотману, текст, интеллект (сознание) и культура (семиосфера), по сути дела, различные аспекты одного и того же явления — коммуникации, в котором каждый из членов этой триады взаимно определяет, создает и развивает другие. В этом плане текст предстает комплексным отношением между знаковой композицией, адресатом и контекстом коммуникации (Лотман 1981). Текст — генератор смыслов, динамически саморазвивающийся объект. Он выполняет роль пускового механизма, приводящего в движение сознание реципиента (Лотман, 1992), что подтвердилось последующими исследованиями нейрофизиологии мозга и AI. Лотман не ограничивал социальную семиотику (этот термин он предложил раньше Майкла Хэллидея) рассмотрением языковых практик социальной коммуникации, настаивая на развитии структурно-смыслового подхода к самим социальным отношениям как коммуникации.

Менее известны, но также релевантны другие семиотические школы (Tulchinskii 2021). Коммуникативная природа осмысленного знания была в центре внимания Арона Брудного, его коллег в Институте философии АН Киргизии. Брудный различал два вида коммуникации — «аксиальную» (лат. *axis* «ось»), направленную конкретному адресату, и ретиальную» (лат. *rete* «сеть»), адресованную неограниченному кругу получателей (1996; 1998). Такое различие аналогично действию нервной системы, которая передает импульс в точку, от которой требуется определенная реакция, и кровеносной системы, омывающей все органы.

В 1970–2000-е годы в Калининском (Тверском) университете была разработана глубокая концепция практической герменевтики (практик понимания) (Богин 2001). Концепция включала систему «поясов» («герменевтических кругов») понимания как комплексов конкретных коммуникативных техник: усмотрение и построение смысла (19 техник); использование «рефлексивного мостика» (6 техник); «расклеивания» смешиваемых конструкторов (12 техник); 16 техник интерпретационного характера; 26 техник перехода; 26 техник выхода через понимание к новым состояниям сознания. Эти наработки были реализованы в различных сферах деятельности — от науки и преподавания до государственного управления, бизнеса и православной церкви.

Масштабная исследовательско-проектная программа была разработана и реализована Тамарой Дридзе и ее учениками. Дридзе понимала

знаковые системы как механизм порождения, хранения, трансляции и воспроизводства социального опыта — вплоть до образа жизни конкретного социума. Сначала эта идея использовалась при целевом анализе содержания текстов, где смыслообразование предстало как довольно строгий алгоритм, задаваемый практическим контекстом (Дридзе 1980; 1984). Затем этот подход был применен к анализу городской среды, трактуемой как связанная знаковая система коммуникации населения, бизнеса, органов власти (Дридзе 1994). Эти проблемы коммуникации как инструмента социально-культурного инжиниринга и социального управления регулярно обсуждаются на «Дридзеvских чтениях» в Институте социологии Российской академии наук.

Перспективен и коммуникативный синтез социальной семиотики, философии языка, культуры и личности, предпринятый в Сыктывкарском государственном университете им. Питирима Сорокина. Исследования философии символа, текстовой деятельности в социально-культурной коммуникации (Сулимов, Фадеева 2003; 2004) переросли в программу анализа содержания коммуникативного пространства культуры русского Севера (Фадеева, Сулимов 2016). Тем самым в поле семиозиса вводятся различные коммуникативные социальные практики от образования и социализации до региональной модернизации.

Как обобщение широкого комплекса семиотических идей (Тульчинский 1986; Золян, Тульчинский 2024), медийно-образовательного опыта (Фещенко 2020) возникла концепция *deep semiotics*, которая включила в семиозис роль личности как источника, средства и результата смыслообразования. Это позволило перейти от рассмотрения структурных характеристик к коммуникативной динамике *understanding and meaning making*, а затем и к стадиям институционализации смысловых комплексов — от личностных переживаний, эмоций и оценок до выработки общего понимания, объединяющего всё более масштабные социальные общности вплоть до профессий, организаций. Ключевым фактором этих стадий институционализации выступает интенсивность и регулярность коммуникации. Такой подход позволил интегрировать личностные и социальные факторы смыслообразования, а также семиотические и социологические аспекты коммуникации. В дальнейшем это выразилось в развитии прагмасемантики (Золян 2022; Золян и др. 2024), как каскада взаимодействия контекстов смыслообразования, задаваемых ценностно-регулятивными системами (ЦРС) социальных практик, одной из которых является язык как ЦРС, обслуживающая ЦРС культуры и являющаяся путеводителем по ним. Универсальным интерфейсом взаимодействия этих контекстов является самосознание личности (субъектность), позволяющая менять, дополнять контексты.

5. Аккумуляция и систематизации

В целом с конца 1950-х годов в СССР складывалась качественно новая ситуация интереса к проблемам коммуникации. Это было вызвано несколькими обстоятельствами. Введение логики в школьные про-

граммы в 1950-х годах стимулировало устойчивый интерес к теории и практике аргументации, другим формам коммуникации в различных сферах деятельности (Панфилова 1999; Петрова 1981; Юшкова-Борисова 2015). Планирование социально-экономического развития регионов и трудовых коллективов, развитая система пропаганды предполагали соответствующее обеспечение, разветвленную и координируемую социальную коммуникацию в публичном медийном пространстве, трудовых и учебных коллективах. Изучением и оценкой эффективности этих коммуникативных процессов занимались центры социологических исследований на базе университетов, Академии наук, органов власти (федеральных и региональных) (Шилова 2025).

Политическая «оттепель» оживила общественную жизнь, был снят ряд ограничений на гуманитарные и социологические исследования, открылись спецхраны научных библиотек, архивов. Краткий период этих послаблений стимулировал развитие коммуникации в приватной и полуприватной среде — «кухонные разговоры», анекдоты, самиздат. Это способствовало четкому различению публичной коммуникации и доверительных личностных контактов («общения»). Владимир Библиер (1998) в середине 1960-х годов создал неофициальный домашний теоретический семинар по диалогичности культуры как внутреннему диалогу индивидуального Я и Я всеобщего. Для Генриха Батищева (1987) общение — экзистенциально-творческое со-бытие, вхождение и сопричастность духовной смысловой (религиозной) общности.

К концу XX — началу XXI столетия в российских (советских) исследованиях коммуникации сложилась чрезвычайно богатая идеями ситуация. На русский язык были переведены практически все классические работы по теории коммуникации Норберта Винера, Клода Шеннона, Мануэля Кастельса, Маршалла Маклюэна, Никласа Лумана, Томаса Лукмана, Скотта Катлипа, Ролана Барта, Юргена Хабермаса, Ричарда Льюиса и др. Они использовались в исследованиях, образовательных программах (Василькова и др. 2005; Козловский 2011).

Вместе с тем появились работы российских авторов, в которых представлены оригинальные систематические обобщения коммуникации, уровней, типов и методов ее осуществления (Почепцов 2003; 2008; Гнатюк 2012; Гавра 2011). Лариса Викулова и Александр Шарунов (2007) предложили практикум по основам теории коммуникаций — гид по широкому полю концепций и подходов к изучению коммуникационных процессов, их функций и факторов эффективности. Аркадий Соколов представил общую теорию («метатеорию») социальной коммуникации (2001; 2011), в которой ключевым аспектом является проблема смысла и понимания. Специально рассмотрена эволюция социальных коммуникаций от ее палеоформ до современных медиа и Интернета, социально-коммуникативные институты, права и свободы, управление коммуникацией в разных политических режимах.

6. Вызовы медиацифровизации

Практики социальных коммуникаций, сложившиеся в стране, и научное сообщество, исследующее эти практики, были вполне подготовлены к последовавшим событиям. Экономические реформы, череда бурных политических кампаний 1985–2000 годов совпали с появлением и освоением Интернета, формированием социальных сетей, все более интенсивной трансформацией социально-культурных практик в цифровые форматы информационно-коммуникативных технологий. Эти процессы открыли следующий качественно новый горизонт исследований коммуникации, вызвали всплеск интереса к таким коммуникативным технологиям, как реклама, PR, социальные сети, блогосфера, электронная коммерция, информационные войны в бизнесе и политике, управление массовой коммуникацией, связанная с ними медиаметрия.

Как и во всем мире, с начала нынешнего столетия на первый план стали выходить проблемы «постправды» (фейки, дипфейки, манипуляции и мошенничество в сети), контроля и безопасности коммуникации, формы ответственности за недобросовестную публичную коммуникацию (Ситников, Гундарин 2003; Кирия 2010; Коломиец 2014; Новикова, Кирия 2017; Тульчинский 2021), трансформация идентичности под влиянием современных информационно-коммуникативных технологий (Емелин 2017; Лисенкова 2021). Новые качество и масштаб этим проблемам придали практики использования технологий искусственного интеллекта органами власти, бизнес-структурами, частными пользователями. Конечно же, сохраняется тренд инжинирингового подхода к коммуникации как системе обеспечения и порождения социально-культурных практик (Почепцов 2008; Арканникова 2022; 2024). Ключевым моментом эпохи является растворение смарт-технологий в окружающей среде, наделение коммуникативными свойствами окружающие предметы, которые в Интернете вещей приобретают свой уникальный адрес; способность воспринимать (ощущать) действительность и реагировать на ее изменения; способность запоминать; возможность обрабатывать информацию; возможность коммуницировать, взаимодействовать с другими вещами, сетями, устройствами, людьми (Чеклецов 2015). Мир становится коммуникативно гибридным: удаленная перцепция, удаленное действие, удаленное обозначение, неоднократная репрезентация.

Отмеченная ранее российская практика решения всех вопросов вертикально-административно, формализованный контроль социальной и личной жизни получили новые импульсы в цифровых форматах коммуникации. В результате сложились две сферы медийного пространства. В первой («массовой») безоговорочно доминирует телевидение, в меньшей степени — общественно-политическая пресса. Эти медиа транслируют контент с позиций государства, местных органов власти. Вторая сфера воспроизводит ограниченные коммуникативные воз-

возможности для разрозненных групп маргинализированных интеллигентов вроде советских «кухонных разговоров» — теперь в формате контролируемых личных контактов в сетевых мессенджерах.

Однако освоение цифровых технологий, использование AI придали новую глубину личностному (персоналистско-субъектному) фактору коммуникации, который всегда был акцентирован в русской традиции. Цифровизация вышелушила необходимость различения субъектности, субъективности, идентичности и агентности. Субъектность — результат социализации, освоения социально-культурных практик, сопровождаемых нарративной коммуникацией типа «Это не само произошло — это ты сделал!». Смысл воспитания, обучения, освоения профессии состоит в том, что человека вырывают из причинно-следственных связей, замыкая причины на нем, делая его *causa sui*. К третьему году жизни ребенок осваивает нарратацию от 1-го лица, что является свидетельством формирования вменяемого субъекта (Damasio 2010). Субъектность — точка склейки рефлексивного самоописания как ленты Мёбиуса, *strangle loop* (Hofstadter 2007), точка входа в герменевтический круг смыслообразования. Как всякое рефлексивное самоописание, она противоречива (допуская $A \& \sim A$), а значит, открыта различным дополнениям универсума рассуждения. Это делает ее универсальным интерфейсом для дополнения, смены и порождения различных контекстов, открывая возможность дополнения реально сущего воображением. Коммуникативно-семиотическая по своей природе субъектность, по сути, является операционализацией трансцендентального субъекта. Как и он, она ненаблюдаема, но является условием познания и смыслообразования — подобно слепому пятну в глазу, которое, будучи не наблюдаемым, является условием зрения. Именно субъектность фокусирует предмет познания (*subject* суждения, тема). Она условие и средство прокреативной преадаптации личности и социума — способности приспосабливаться не только к динамике среды, но и к упреждающему воздействию на эту среду, ее преобразованию (Асмолов и др. 2018; Киященко 2022). Именно эта способность лежала до сих пор в основе успешного развития цивилизации *homo sapiens*. Источником и средством такой прокреации выступает именно субъектность индивидов и их коммуникация.

Идентичность — наполнение субъектности («человека-без-свойств») конкретным социально-культурным опытом, а субъективность — эмоциональное отношение к этому опыту. В этом плане идентичность и субъективность являются содержанием, наполнением социально-личностной конкретизацией субъектности. Будучи эпифеноменом коммуникации, субъектность является условием существования и развития культуры. Ситуативно подвижная, способная к лимиальности субъектность оказывается прагмасемантическим интерфейсом взаимодействия между индивидуальным и социальным, реальным и воображаемым, перехода от физической реальности к миру желаний, надежд, тревог — и наоборот.

Главное — различие субъектности от агентности. Субъектность допускает противоречивую рефлексивность, она апофатична, создает контек-

стуальную вменяемость (out) по отношению к осмысливаемому. Агентность непротиворечива, катафатична и встроена в систему следования алгоритму. В этой связи у них разная ответственность в коммуникации: у субъектности — ответственность за новый контекст осмысления, у агентности — за следование алгоритму. Они не противостоят, а дополняют друг друга. Между ними необходим баланс, взаимодействие. Однако вся история использования технологий есть история укрощения субъектности посредством агентности. Поэтому перспектива непродуманной цифровизации как сведение субъектности к агентности чревата колоссальным искушением власти властью, жестким расслоением социума и деградацией: физической, интеллектуальной, цивилизационной (Гульчинский 2025).

Коммуникативно-семиотическая по природе субъектность — главный фактор развития. Это гвоздь, на котором держится цивилизация *homo sapiens*. Если этот гвоздь выдернуть или забить по самую шляпку, то цивилизация лишается своего источника, средства и результата развития, то есть обесмысливается. Рассмотрение коммуникации в цифровых форматах показывает необходимость выхода за рамки технорациональной парадигмы к фундаментальным основаниям человеческого бытия и этики, что как раз свойственно русской традиции.

7. Ergo: специфика и значение русской традиции

Вышеприведенный экскурс показывает, что в России, включая советский период, сложилась фундированная и развитая традиция трактовки природы, роли и значения коммуникации, в которой коммуникации предстает не просто кодированием-декодированием информации, а как сложный социокультурный и психологический процесс, связанный с порождением и интерпретацией смыслов. Эта традиция выработывалась на разном материале: обыденный опыт, религия, искусство, политика, образование, деловая активность, медиа, реклама. Но при этом она весьма целостна и обладает рядом нетривиальных акцентировок, порождающих ее специфику и релевантность.

Обобщая, можно сказать, что главная особенность русской традиции исследования коммуникации выражена в двух векторах изучения коммуникации. С одной стороны, акцент на социальной природе, процессах и механизмах коммуникативной деятельности, ее публичных формах; с другой — на глубоко личностных, ментальных ее источниках и последствиях, связанных с мотивацией, эмоциями, пониманием. По этим обоим векторам можно выделить некоторые общие черты тематико-содержательного плана, характерные для русской традиции. Это:

1) несводимость коммуникативных процессов к информационно-сигнальным, их связь с пониманием и интерпретацией смыслового содержания, порождаемого, транслируемого и воспринимаемого в коммуникации. Такая акцентировка является принципиально важной для понимания перспектив, возможностей и антропологических последствий бурного расширения применений информационно-коммуника-

тивных технологий в цифровом формате. Поскольку коммуникация, ее регулярность и интенсивность является решающим фактором формирования и развития социальных институтов, постольку такой подход дает возможность расширения коммуникативного анализа на социально-культурные практики, включая социальное управление;

2) различие публичной коммуникации и частного общения. Оба процесса направлены на формирование общности, но разного уровня. Коммуникация связана с преимущественно внешними социальными процессами, которые консолидируют («мобилизуют») социум: медиа, образование, PR, реклама, пропаганда, информационные войны, символическая политика, региональный брендинг — то, что связано с трансляцией нормативных значений, образов. Общение — создание глубокой межличностной общности на уровне личностных смыслов, эмоциональных отношений, сопереживаний. Соотношение, взаимовлияние этих двух уровней прослеживается в глубокой семиотике, лотмановской текстовизации культуры и личности, идее бахтинского диалога как участного мышления, сопричастности ткани («блокчейну») человеческого бытия;

3) роль контента, *message*, проблемы смыслообразования, семиозиса и семипозиса, действие в этом процессе ценностно-регулятивных систем социально-культурных практик, задающих контексты осмысления и смыслообразования и важность субъектности как универсального интерфейса этих контекстов. Интенсивная трансформация социально-культурных практик и обеспечивающей их коммуникации в цифровые форматы делает принципиально важным различие субъектности и агентности. Субъектность по своей природе апофатична, открыта дополнению различными контекстами, их смене, тогда как агентность катастрофически встроена в заданные алгоритмы;

4) значение апофатического семиозиса оказывается важным в наше время, когда медийная переизбыточность, коммуникативный *brain rot* порождают необходимость коммуникативно значимых отрицаний, пробелов, умолчаний, отказов от коммуникации. Отрицание, умолчание не только и не столько уничтожает, сколько переводит внимание на другое, что дает перспективу для переосмысления, возникновения новых смыслов. В последние годы все более очевидным становится интерес западных исследователей к апофатическому семиозису (Badiou 2007; Galloway et al. 2014; Leone 2025). Так, использование формальных моделей квантовой теории позволило представить коммуникацию как пространство неопределённых состояний, референцию (дейксис) — как семиотический аналог измерения, где смысл предстает полем потенциалов, которое контекстуально актуализируется посредством акта высказывания. Тем самым семиозис операционализируется в апофатическом ключе, буквально согласно идеям В. Налимова относительно семантического вакуума, вероятностной модели языка и роли субъектности, а также Г. Шпета об интерпретационном «схватывании» смысла. Это формирует аппарат теории, способной рассматривать сложность, не сводя ее к минимуму, и поддерживать неопределенность, не отказываясь от строгости;

5) расширительное понимание коммуникации, в которой культура и личность предстают не как контекст и актор коммуникативного процесса, а как коммуникативные сущности по самой своей природе и реализации. Любая наука в какой-то мере является коммуникативной — потому что порождается и оперирует осмыслением своего предмета как со-общением о природе, обществе, собственной мысли (и с ними) (Клюканов 2018, с. 248; Zolyan et al. 2025). Если исследования коммуникации — это перекресток, по которому многие проходят, но редко кто останавливается (Schramm 1963, p. 2), то русская традиция часто уделяла и уделяет внимание самому перекрестку. Она принципиально междисциплинарна, в ней переплетаются и дополняют друг друга антропология, когнитивистика, лингвистика, логическая семантика, психология, семиотика, социология, теория и практика искусственного интеллекта, теория и философия культуры, урбанистика... Этот ряд можно продолжать.

Современным российским исследованиям коммуникации свойственны сильно различающиеся теоретические подходы и модели, использование методов самых различных наук. При этом сами коммуникативные практики явно тяготеют к интеграции (Дзялошинский, Шариков 2017). В принципе это вполне соответствует общемировой ситуации, диагностированной Робертом Крэйгом, согласно которому разные подходы к коммуникации имеют общую практическую основу, позволяющую различным теориям и концепциям взаимодействовать, налаживая общий междисциплинарный дискурс, «протонауку» (Craig 1999, p. 121–122). А как было показано выше, в русской традиции изучения коммуникации сложилась довольно дифференцированная и при этом единая агломерация, где взаимодействуют различные науки. И похоже, постепенно формировавшаяся «протонаука» этих исследований созрела в России до формальной институционализации: 24 декабря 2025 года Высшая аттестационная комиссия (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации приняла решение включить группу научных специальностей «Коммуникационные науки» в номенклатуру научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Социальная коммуникация — ключевая практика, определяющая формирование и развитие общества и личности, — социогенез, культурогенез и творчество, формирование, развитие и позиционирование личности, самосознание. Интенсивная трансформация социальной коммуникации в формате цифровых технологий радикально изменяет деловую активность, формы занятости, управление, образование культурные индустрии, личную жизнь, весь образ жизни. Эти процессы являются серьезными вызовами политике, праву, морали, что предполагает переосмысление устоявшихся представлений, используемых подходов, концептуального аппарата, выявление перспективных направлений их применения. Речь идет о масштабной и глубокой проблеме выработки междисциплинарного подхода, который решал бы две зада-

чи: давал бы общую концептуальную платформу анализа и одновременно был бы достаточно операциональным, сохраняя накопленные результаты и потенциал дальнейших дисциплинарных исследований и разработок.

Наследие русской традиции изучения коммуникации представляет в этом плане неординарный интерес — как в плане современного то ли постсекуляризма, то ли расширенного секуляризма, так и в плане перспективы преодоления разрыва между социолого-количественным и феноменолого-герменевтическим подходами к изучению коммуникации. Хочется надеяться, что в этой работе опыт русской традиции исследования коммуникации не будет забыт и окажется полезным.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РНФ (грант №26-18-00672 «Знако- и смыслопорождение как семиопозис в языке, социально-культурных практиках, цифровой среде») (<https://rscf.ru/project/26-18-00672/>) в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список источников и литературы

Аксаков, К. С., 1875. Полное собрание сочинений. Том II. Сочинения филологические. Часть I. М. [Aksakov, K.S., 1875. Complete Works. Volume II. Philological Works. Part I. Moscow (in Russ.)].

Аксаков, К. С., 1880. Полное собрание сочинений. Том III. Сочинения филологические. Часть II. Опыт русской грамматики. М. [Aksakov, K.S., 1880. Complete Works. Volume III. Philological Works. Part II. An Essay on Russian Grammar. Moscow (in Russ.)].

Аннушкин, В. И., 2011. История русской риторики. М. [Annushkin, V.I., 2011. A History of Russian Rhetoric. Moscow (in Russ.)].

Арканникова, М. С. (ред.), 2022. Инженеры смыслов в новой реальности: тренды и практики коммуникационной индустрии. СПб. [Arkannikova, M.S., ed., 2022. Engineers of Meaning in the New Reality: Trends and Practices in the Communications Industry, St. Petersburg (in Russ.)].

Арканникова, М. С. (ред.), 2024. Инженеры смыслов: от концепта к профессионализации. СПб. [Arkannikova, M.S., ed., 2024. Engineers of Meaning: From Concept to Professionalization, St. Petersburg (in Russ.)] EDN: INHSIQ

Асмолов, А. Г., Шехтер, Е. Д., Черноризов, А. М., 2018. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М. [Asmolov, A.G., Shekhter, E.D., Chernorizov, A.M., 2018. Pre-Adaptation to Uncertainty: Unpredictable Evolutionary Routes, Moscow (in Russ.)].

Балакай, А. Г., 2001. Словарь русского речевого этикета. Формы доброжелательного обхождения. 2-е изд. М. [Balakay, A.G., 2001. Dictionary of Russian Speech Etiquette. Forms of Friendly Treatment. 2nd ed. Moscow (in Russ.)].

Батищев, Г. С. (ред.), 1987. Диалектика общения: эпистемологические и мировоззренческие проблемы. М. [Batishchev, G.S., ed., 1987. Dialectics of communication: epistemological and ideological problems, Moscow (in Russ.)].

Бахтин, М. М., 1975. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. [Bakhtin, M.M., 1975. Questions of Literature and Aesthetics: Research from Different Years, Moscow (in Russ.)].

Бахтин, М. М., 1979. Эстетика словесного творчества. М. [Bakhtin, M.M., 1979. Aesthetics of verbal creativity, Moscow (in Russ.)].

Бахтин, М.М., 1986. К философии поступка. *Философия и социология техники. Ежегодник. 1984 – 1985.* М., с. 80 – 160. [Bakhtin, M.M., 1986. To the philosophy of action. *Filosofija i sotsiologija tekhniki. Ezhegodnik. 1984 – 1985.* Moscow, pp. 80 – 160 (in Russ.).]

Библер, В.С., 1998. Диалектика и диалогика. *Архэ.* Вып. 3. М., с. 14 – 15. [Bibler, V.S., 1998. Dialectics and dialogics. *Arkhe.* Issue 3. Moscow, pp. 14 – 15 (in Russ.).]

Богин, Г.И., 2001. Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику. М. [Bogin, G.I., 2001. *Gaining the ability to understand: An introduction to philological hermeneutics.* Moscow (in Russ.).]

Брудный, А.А., 1996. Наука понимать. Бишкек [Brudny, A.A., 1996. *Science to understand.* Bishkek (in Russ.).]

Брудный, А.А., 1998. Психологическая герменевтика. М. [Brudny, A.A., 1998. *Psychological hermeneutics.* Moscow (in Russ.).]

Булгаков, С.Н., 2008. Философия имени. СПб. [Bulgakov, S.N., 2008. *Philosophy of the name,* St. Petersburg (in Russ.).]

Василькова, В.В., Козловский, В.В., Минина, В.Н. (ред.), 2005. Социальные коммуникации. Сборник программ и методических материалов к учебным курсам. СПб. [Vasil'kova, V.V., Kozlovsky, V.V., Minina, V.N., eds., 2005. *Social Communications. A Collection of Curriculums and Methodological Materials for Academic Courses.* St. Petersburg (in Russ.).]

Викулова, Л.Г., Шарунов, А.И., 2008. Основы теории коммуникации: практикум. М. [Vikulova, L.G., Sharunov, A.I., 2008. *Fundamentals of Communication Theory: A Practical Course.* Moscow (in Russ.)] EDN: VFBBBZ

Гавра, Д., 2011. Основы теории коммуникации. СПб. [Gavra, D., 2011. *Fundamentals of Communication Theory.* St. Petersburg (in Russ.).]

Гнатюк, О.Л., 2012. Основы теории коммуникации. М. [Gnatyuk, O.L., 2012. *Fundamentals of Communication Theory.* Moscow (in Russ.)] EDN: SUOBFL

Дзялошинский, И.М., Шариков, А.В., 2017. О современном состоянии и дальнейшем развитии сферы коммуникационных наук в России. *Медиаскоп*, 3. [Dzyaloshinsky, I.M., Sharikov, A.V., 2017. On Modern Condition and Future Development of the Sphere of Communication Sciences in Russia. *Mediaskop*, 3 (in Russ.)] EDN: ZRPWFP

Дридзе, Т.М., 1980. Язык и социальная психология. М. [Dridze, T.M., 1980. *Language and social psychology.* Moscow (in Russ.).]

Дридзе, Т.М., 1984. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М. [Dridze, T.M., 1984. *Textual activity in the structure of social communication. Problems of semiosociopsychology.* Moscow (in Russ.).]

Дридзе, Т.М. (ред.), 1994. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М. [Dridze, T.M., ed., 1994. *Predictive social design: Theoretical, methodological and methodological problems.* Moscow (in Russ.).]

Емелин, В.А., 2017. Идентичность в информационном обществе. М. [Emelin, V.A., 2017. *Identity in the Information Society.* Moscow (in Russ.).]

Золян, С.Т., 2022. Прагмасемантика – интерфейс и механизм смыслообразования. *Метод*, 2(2), с. 7 – 18. [Zolyan, S.T., 2022. Pragmasemantics – an Interface and Mechanism of Meaning Production. *Method*, 2(2), pp. 7 – 18 (in Russ.)] EDN: PEDLEX, <https://doi.org/10.31249/metodquarterly/02.02.01>

Золян, С.Т., Тульчинский, Г.Л., 2024. Динамика смысла: глубокая семиотика и стереометрическая семантика. М. [Zolyan, S.T., Tulchinskii, G.L., 2024. *Dynamics of Meaning: Deep Semiotics and Stereometric Semantics.* Moscow (in Russ.).]

Золян, С.Т., Тульчинский, Г.Л., Чернявская, В.Е., 2024. Прагмасемантика и философия языка. М. [Zolyan, S.T., Tulchinskii, G.L., Chernyavskaya, V.E., 2024. *Pragmasemantics and philosophy of language.* Moscow (in Russ.)] EDN: RSPTEO

- Иванов, В.В., 1976. *Очерки по истории семиотики в СССР*. М. [Ivanov, V.V., 1976. *Essays on the history of semiotics in the USSR*. Moscow (in Russ.)] EDN: UCFKRZ
- Иссерс, О.С., 2008. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. М. [Issers, O.S., 2008. *Communication strategies and tactics of Russian speech*. Moscow (in Russ.)] EDN: UFGTIF
- Кирия, И.В., 2010. Социальная традиция российской модели коммуникации. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 1, с. 51–74. [Kyria, I.V., 2010. Social tradition of the Russian communication model. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 1, pp. 51–74 (in Russ.)] EDN: MOTIER
- Киященко, Л.П. (ред.), 2022. *Человек как открытая целостность*. Новосибирск. [Kiyashchenko, L.P. (ed.), 2022. *Man as open integrity*. Novosibirsk (in Russ.)] EDN: JWOMRO
- Клюканов, И.Э., 2021. Отечественные традиции теории коммуникации. *Журнал психолингвистики*, 4(50), с. 12–37. [Klyukanov, I.E., 2021. Russian traditions in the theory of communication. *Journal of Psycholinguistics*, 4(50), pp. 12–37 (in Russ.)] EDN: SRQQBV, <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-50-4-12-37>
- Клюканов, И.Э., 2018. *Сообщение и забытие*. М.; СПб. [Klyukanov, I.E., 2018. *Communication and Forgetting*. Moscow; St. Petersburg (in Russ.)].
- Козловский, В.В. (ред.), 2011. *Социальная коммуникация: универсум профессиональной деятельности*. СПб. [Kozlovsky, V.V. (ed.), 2011. *Social communication: the universe of professional activity*. St. Petersburg (in Russ.)].
- Коломиец, В.П., 2014. *Медиасоциология: теория и практика*. М. [Kolomiets, V.P., 2014. *Media sociology: theory and practice*. Moscow (in Russ.)] EDN: WESMZN
- Леонтьев, А.А., 1969. *Язык, речь, речевая деятельность*. М. [Leontiev, A.A., 1969. *Language, speech, speech activity*. Moscow (in Russ.)] EDN: NKXEGF
- Леонтьев, А.Н., 1975. *Деятельность. Сознание. Личность*. М. [Leontiev, A.N., 1975. *Activity. Consciousness. Personality*, Moscow (in Russ.)] EDN: ZJUELZ
- Леонтьев, А.А., 1997. *Психология общения*. М. [Leontiev, A.A., 1997. *Psychology of communication*, Moscow, (in Russ.)] EDN: RYANNZ
- Леонтьев, А.А., 2001. *Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность)*. М. [Leontiev, A.A., 2001. *Active mind (Activity, Sign, Personality)*. Moscow (in Russ.)].
- Леонтьев, Д.А., 2007. *Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности: учебное пособие*. М. [Leontiev, D.A., 2007. *Psychology of meaning. The nature, structure and dynamics of semantic reality: a textbook*. Moscow (in Russ.)] EDN: QXQUUJ
- Лисенкова, А.А., 2021. *Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве*. Пермь. [Lisenkova, A.A., 2021. *Transformation of sociocultural identity in the digital space*. Perm (in Russ.)] EDN: TOSUPY
- Лосев, А.Ф., 2016. *Философия имени*. М. [Losev, A.F., 2016. *Philosophy of the name*. Moscow (in Russ.)].
- Лотман, Ю.М., 1981. Семиотика культуры и понятие текста. В: *Труды по знаковым системам. XII. Ученые записки Тартуского государственного университета*. Тарту, с. 3–7. [Lotman, Yu.M., 1981. Semiotics of culture and the concept of text. In: *Sign Systems Studies XII. Scientific Notes of Tartu State University*. Tartu, pp. 3–7 (in Russ.)].
- Лотман, Ю.М., 1992. *Культура и взрыв*. М. [Lotman Yu.M., 1992. *Culture and explosion*. Moscow (in Russ.)].
- Луц, У., 2014. *Нагорная проповедь (Мф 5–7). Богословско-экзегетический комментарий*. Перевод Р. Штубеницкой. М. [Luz, U., 2014. *The Sermon on the Mount (Matthew 5–7). Theological and exegetical commentary*. Moscow (in Russ.)].
- Налимов, В.В., 1974. *Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков*. М. [Nalimov V.V., 1974. *Probabilistic model of language. On the Relation of natural and artificial languages*. Moscow (in Russ.)] EDN: QXGCTG

Налимов, В.В., 2007. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М. [Nalimov, V.V., 2007. *Spontaneity of Consciousness: Probabilistic Theory of Meanings and Semantic Architectonics of Personality*. Moscow (in Russ.)].

Новикова, А.А., Кирия, И.В., 2017. История и теория медиа. М. [Novikova, A. A., Kyria, I. V., 2017. *History and theory of media*. Moscow (in Russ.)] EDN: YJILMF

Панфилова, А.П., 1999. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. СПб. [Panfilova, A.P., 1999. *Business communication in professional activities*. St. Petersburg (in Russ.)] EDN: SHIIPX

Петрова, А.Н., 1981. Сценическая речь. М. [Petrova, A.N., 1981. *Stage speech*. Moscow (in Russ.)].

Пивоваров, Ю.С., Фурсов, А.И., 2001. «Русская система» как попытка понимания русской истории. *Полис*, 4, с. 37–48. [Pivovarov, Yu.S., Fursov, A.I., 2001. "Russian system" as an essay of grasping Russian history. *Polis*, 4, pp. 37–48 (in Russ.)] EDN: ESCUBR

Поршнева, Б.Ф., 2007. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб. [Porshnev, B.F., 2007. *On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology)*. St. Petersburg (in Russ.)] EDN: VZYRNJ

Потебня, А.А., 1976. Эстетика и поэтика. М. [Potebnja, A. A., 1976. *Aesthetics and poetics*. Moscow (in Russ.)].

Почепцов, Г.Г., 1998. История русской семиотики до и после 1917 года. М. [Pocheptsov, G. G., 1998. *History of Russian semiotics before and after 1917*. Moscow (in Russ.)].

Почепцов, Г.Г., 2003. Теория коммуникации. М.; Киев. [Pocheptsov, G. G., 2003. *Communication theory*, Moscow; Kiev (in Russ.)].

Почепцов, Г.Г., 2008. Коммуникативный инжиниринг. Теория и практика. Киев. [Pocheptsov, G. G., 2008. *Communicative engineering. Theory and practice*. Kiev (in Russ.)].

Прохоров, Ю.Е., Стернин, И.А., 2011. Русские: коммуникативное поведение. М. [Prokhorov, Yu. E., Sternin, I. A., 2011. *Russians: Communicative behavior*. Moscow (in Russ.)] EDN: UVSTNN

Ситников, А.П., Гундарин, М.В., 2003. Победа без победителей: очерки теории прагматических коммуникаций. М. [Sitnikov, A.P., Gundarin, M.V., 2003. *Victory without winners: essays on the theory of pragmatic communications*. Moscow (in Russ.)].

Соколов, А.В., 2001. Метатеория социальной коммуникации. СПб. [Sokolov, A. V., 2001. *Metatheory of social communication*. St. Petersburg (in Russ.)] EDN: TLFEFZ

Соколов, А.В., 2011. Философия информации. Челябинск. [Sololov, A. V., 2011. *Philosophy of information*. Chelyabinsk (in Russ.)] EDN: QONPPL

Сулимов, В.А., 2003. Текстовая деятельность. Культура. Коммуникация. Сыктывкар. [Sulimov, V. A., 2003. *Text activity. Culture. Communication*. Syktyvkar (in Russ.)] EDN: QQWWKN

Сулимов, В.А., Фадеева, И.Е., 2004. Коммуникативное пространство современной культуры: знаки и символы. *Философские науки*, 4, с. 110–123. [Sulimov, V. A., Fadeeva, I. E., 2004. *Communicative space of modern culture: signs and symbols*. *Philosophical Sciences*, 4, pp. 110–123 (in Russ.)].

Троицкий, В.П., 2024. Тропа и Путь, или Ономатодоксия. СПб. [Troitsky, V.P., 2024. *The Path and the Way, or Onomatodoxy*. St. Petersburg (in Russ.)].

Тулъчинский, Г.Л., 1986. Проблема осмысления действительности. Логико-философский анализ. Л. [Tulchinskii, G. L., 1986. *The Problem of Understanding Reality. Logical and Philosophical Analysis*. Leningrad (in Russ.)] EDN: XTYZUT

Тулъчинский, Г.Л. (ред.), 2021. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность. СПб. [Tulchinskii, G. L., ed., 2021. *Fakes: Communication, Meaning, Responsibility*. St. Petersburg (in Russ.)].

Тульчинский, Г. Л., 2025. Предпосылки фашизма в цифровом обществе: вызов и возможные демпферы. В: *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: материалы VII международной научно-практической конференции (27–29 ноября 2024 г.): ежегодник; выпуск 8 в 4-х ч. Ч. 3. М., с. 257–265. [Tulchinskii, G. L., 2025. Preconditions for Fascism in a Digital Society: Challenges and Possible Dampeners. In: *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference (November 27–29, 2024): Yearbook; issue 8 in 4 parts. Part 3. Moscow, pp. 257–265 (in Russ.)*] EDN: GHYSMF*

Фадеева, И. Е., Сулимов, В. А., 2016. *Человек в культуре Севера: от модерна к модернизации (Республика Коми)*. СПб. [Fadeeva, I. E., Sylymov, V. A., 2016. *Man in the culture of the North: from modernity to modernization (Komi Republic)*. St. Petersburg (in Russ.)].

Фещенко, В. В., 2020. Лингвозстетический поворот в теории языка и художественном языковом эксперименте. М. [Feshchenko, V. V., 2020. *The linguoesthetic turn in the theory of language and artistic linguistic experiment*. Moscow (in Russ.)] EDN: QSXAAT

Флоренский, П. А., 1990. *Сочинения: в 2 т. Т. 2: У водоразделов мысли*. М. [Florensky, P. A., 1990. *Works: in 2 volumes. Vol. 2: At the Watersheds of Thought*. Moscow (in Russ.)].

Чеклецов, В. В., 2015. Динамические эмерджентные интерфейсы сложных социотехнических систем. *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, 1(9), с. 70–84. [Chekletsov, V. V., 2015. Dynamical emergent interfaces of complex sociotechnical systems. *Philosophical problems of IT and Cyberspace*, 1(9), pp. 70–84. (in Russ.)] EDN: UACRCN, <https://doi.org/10.17726/philIT.2015.9.1.1.18>

Шилова, В. А., 2015. *Коммуникативное поле управления: теория, методология, практика*. М. [Shilova, V. A., 2015. *Communicative field of management: theory, methodology, practice*. Moscow (in Russ.)] EDN: VHJOYT

Шпет, Г. Г., 1914. *Явление и смысл: феноменология как основная наука и ее проблемы*. М. [Shpet, G. G., 1914. *Phenomenon and meaning. Phenomenology as a fundamental science and its problems*. Moscow (in Russ.)].

Шпет, Г. Г., 1916. Сознание и его собственник. В: *Статьи по философии и психологии*. М., с. 156–210. [Shpet, G. G., 1916. Consciousness and its owner. In: *Articles on philosophy and psychology*. Moscow, pp. 156–210 (in Russ.)].

Шпет, Г. Г., 1927. *Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта)*. М. [Shpet, G. G., 1927. *The internal form of the word (Etudes and variations on Humboldt themes)*, Moscow (in Russ.)].

Юшкова-Борисова, Ю., 2015. *Живое общение*. М. [Yushkova-Borisova, Yu., 2015. *Live communication*. Moscow (in Russ.)].

Badiou, A., 2007. *Being and Event*. Translated by O. Feltham. New York.

Craig, R., 1999. Communication Theory as a Field. *Communication Theory*, 9, p. 119–161.

Damasio, A., 2010. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York.

Galloway, A. R., Thacker, E. and Wark, M., 2014. *Ex-communication. Three inquiries in media and mediation*. Chicago, <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226925233.001.0001>

Graham, L. and Kantor, J.-M., 2009. *Naming Infinity. A True Story of Religious Mysticism and Mathematical Creativity*. Cambridge, MA; London.

Hofstadter, D., 2007. *I am strange loop*. New York.

Leone, M., 2025. *Quantum Attention*. Available at: https://www.academia.edu/145518617/2025_Quantum_Attention [Accessed 23.12.2025].

Schramm, W., ed., 1963. *The science of human communication*. New York.

Tulchinskii, G.L., 2021. Social semiotics: communicative and socio-cultural practices. The Russian-speaking contribution to the development of social semiotics in 1970–2000s. *Russian Journal of Communication*, 13(2), pp. 203–221, EDN: FNDXVT, <https://doi.org/10.1080/19409419.2021.1972829>

Waldstein, M., 2008. *The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics*. Saarbrücken.

Zolyan, S.T., Ilyin, M.V., Teslya, A.A. and Tulchinskii, G.L., 2025. Where and How Meanings Emerge. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 95(1), pp. 2–18, EDN: NCMENJ, <https://doi.org/10.1134/S1019331625600775>

Об авторе

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербургский государственный университет; Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

SPIN-код: 9081-4712

E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования:

Тульчинский Г.Л. Особенности исследования коммуникации в России // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 6–25. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-1.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

COMMUNICATION RESEARCH IN RUSSIA: DISTINCTIVE FEATURES AND APPROACHES

Grigorii L. Tulchinskii

Higher School of Economics National Research University,
16 Soyuz Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190008, Russia

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
29 Polytechnicheskaya St., St Petersburg, 195251, Russia

St. Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg 199034, Russia

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on 07.06.2026

Accepted on 28.06.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-1

The intensive transformation of social communication in the digital format is radically changing business activity, forms of employment, management, education, cultural industries, personal life, and the entire lifestyle. This is a large-scale and profound problem of developing an interdisciplinary approach that would solve two tasks: it would provide a common conceptual platform for analysis and, at the same time, be sufficiently operational, preserving the accumulated results and potential for further disciplinary research and develop-

ment. The Russian tradition of communication research is characterised by an expansive understanding of communication, in which social culture and personality are seen as complementary communicative entities by their very nature. Research focuses on several specific topics: meaning-making and understanding; apophatic semiosis and the role of subjectness; interdisciplinarity and convergence of a wide range of methods and approaches, both in the sciences and the humanities. Contemporary Russian communication studies are characterised by widely varying theoretical approaches and models, as well as the use of methods from a broad range of sciences. At the same time, communication practices themselves clearly tend toward integration. Any science is communicative to some extent because it is generated by and operates on the understanding of its subject as communication with and about nature, society, and one's own thoughts. If communication studies are a crossroads that many pass through but few stop at, then the Russian tradition has often focused and continues to focus on the crossroads itself. With its inherent interdisciplinary nature, it intertwines and synergises anthropology, cognitive science, linguistics, logical semantics, psychology, semiotics, sociology, artificial intelligence theory and practice, cultural theory and philosophy, urban studies, and more. The Russian tradition is of interest in the context of the intensive development of digital communication and the maturation of the proto-science of communication.

Keywords: apophatic semiosis, communication, language practices, meaning making, media-digitalization, semiotics, subjectness, understanding

Acknowledgments. This research was supported by the Russian Science Foundation under Grant №26-18-00672 "Sign and Meaning Production as Semiopoiesis in Language, Socio-Cultural Practices, and the Digital Environment" (<https://rscf.ru/project/26-18-00672/>) in Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

The author

Prof. Grigorii L. Tulchinskii, Professor, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; St. Petersburg State University; Immanuel Kant Baltic Federal University. Russia.

E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Tulchinskii G.L., 2026, Communication research in Russia: distinctive features and approaches, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, pp. 6–25. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-1.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))